

Галина Полетаева / Фото из архива Полетаевой

01.06.2019, 13:27 Москва

ИНТЕРВЬЮ

«Если не виновен — зачем признаваться?»: интервью с матерью фигуранта «Нового величия»

27 мая начались суды по делу «Нового величия». Следствие утверждает, что его **фигуранты** планировали государственный переворот. Адвокаты обвиняемых считают, что «Новое величие» было создано благодаря активному участию внедренных сотрудников спецслужб. По просьбе ОВД-Инфо Татьяна Фельгенгауэр поговорила с матерью одного из фигурантов, Дмитрия Полетаева, Галиной.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

Больше года прошло с момента, когда началось дело «Нового величия», с тех пор, как задержали ребят. Что для вас оказалось самым сложным, может быть даже неожиданным, за эти 14 месяцев?

— Неожиданное — это задержание. Самое сложное — это первые три месяца.

Почему?

— Ну как почему? Я знаю своего сына, какой он. И я даже до сих пор не верю, что все это произошло. Очень сложно было поверить, что его задержали, что они экстремисты, что это статья.

Если я правильно помню, то сначала у Дмитрия был статус свидетеля, и вы уже вечером увидели сына в сопровождении каких-то людей?

— Не совсем так. Утром я ушла на работу, и когда уходила, а это очень рано, смотрю — в наш подъезд заходят несколько человек. У меня сердце сжалось. Такое чувство было — к нам. Я с тревогой ехала на работу, отработала, приехала домой. У меня ранняя работа, уже в 10 часов дома была. Смотрю — Димина постель не заправлена, такого никогда не было, потому что мы живем в коммуналке, мы все друг у друга на глазах. Где-то в одиннадцатом часу [утра] звонок, я открываю дверь — Дима стоит. Он: «Мам». *(Сквозь слезы.)* Ну я по глазам вижу, он изменился за день, меньше, чем за день.

Я смотрю: приходят еще шесть человек или семь, начали все проверять, обыск делать.

Как происходит общение с Димой сейчас?

— Я постоянно его поддерживаю, в каждом письме я ему пишу: «Держись. Ты не один. Мы всегда с тобой будем рядом, ты будешь обязательно дома, потому что мы тебя любим, ждем. Мы верим в тебя, что ты невиновен».

Кто кого больше поддерживает? Вы Диму или он вас?

— Ну я думаю, наша [поддержка] — основная. Ему гораздо сложнее. Потому что он один среди чужих людей и в таком помещении, в камере. А он у меня домашний. Ну какой-то он скромный у меня, необщительный. Есть такие отъявленные, шустрые дети, а он спокойный. Не любит, когда с ним говорят на повышенных тонах. Он старается словами в спокойном состоянии донести конкретные вещи, что не устраивает, разрешить вопросы.

Вы видите, как он меняется за эти 14 месяцев. Сейчас каким вы видите сына? Он стал взрослее, сильнее?

— Поменялся. Заметно. Даже пример: до задержания, ему на тот момент было 29 лет, папа его просил: «Дим, зайди, купи сигарет». Он зайдет в магазин, у него спрашивают паспорт. Он приходит и говорит: «Папа, чтоб я покупал — больше не буду, потому что постоянно спрашивают паспорт». Он моложе выглядит.

Сейчас он эти годы, по-моему, перебрал. Ну не такой он был до задержания. Сразу повзрослел, годы прибавились, взяли свое. Глаза мрачные, нет блеска, нет искорки, которая дома постоянно. Каждой мелочи мы радовались, всем успехам, каким-то покупкам, каким-то малым вещам — радуемся всей семьей.

Последний автопортрет до ареста

Дмитрий Полетаев, фото из семейного архива

По делу «Нового величия» уже есть два приговора для тех, кто заключил соглашение со следствием. Павел Ребровский получил два с половиной года общего режима, а Рустам Рустамов — полтора года условно. Насколько это выбивает из колеи? Подтачивает мысль о том, что стоило заключить это соглашение? Или нет, или истина важнее?

- На этот вопрос отвечу так: в чем признаваться, если я ничего не делала? Я украла, я убила, какое-то

преступление совершила? Нет. Я детей воспитывала и воспитываю быть честными, отвечать за свои поступки. Если виновен — скажи. Нет — зачем признаваться? Смысл в этом? Если ты сейчас обманул, ты дальше уже привыкнешь, будешь постоянно врать, обманывать. А я их воспитывала и воспитываю всегда честно, искренне, по добру, справедливости.

Но само дело «Нового величия» — это квинтэссенция несправедливости. Какая здесь надежда может быть, в чем вы ее видите?

- У нас в каждом человеке присутствуют — обязаны — эти три качества: вера, надежда, любовь. Если этих качеств нет, смысл жить тогда? Лучше не родиться.

Это очень важные вещи и правильные слова, но когда вы оказываетесь в ситуации целиком враждебной, когда вы не знаете, кому можете доверять и на кого можете опереться, здесь для вас что самое важное?

- Самое главное — всё преодолеть! Как бы сложно ни было, преодолеть. Я ему всегда на свиданиях, в письмах говорю, пишу: «Дима, очень много людей поддерживают вас». Поэтому мы не будем сдаваться. И Лев Александрович (Пономарев, лидер движения «За права человека» — *ОВД-Инфо*), и Алла Фролова (координатор юридической помощи ОВД-Инфо — *ОВД-Инфо*), Ирина (Яценко, правозащитница — *ОВД-Инфо*), адвокат, люди просто поддерживают. Это очень много значит для человека. Он верит, что он не один, что за его спиной — люди, которые не верят в несправедливость.

Дело «Нового величия» вывело людей на улицы. Это были родители, которые говорили: «Оставьте в покое наших детей». Волна такой активности немного спала. Вам не обидно, что меньше стали выходить, выступать, при том, что впереди суд, самое сложное, и нет еще пока никакой победы?

- Ну я думаю, сразу не могло это быть, должно быть ступенчато, шаг за шагом. Сразу — конечно нет, но сдаваться ни в коем случае нельзя.

И вы думаете, что массовая поддержка, и люди, которые выходили в защиту вашего сына и всех остальных ребят, которые проходят по этому делу, она возобновится? Будет еще один уровень поддержки?

- Не знаю, будет или не будет, но нам она нужна. Она нужна для всех тех, кому скоро вынесут приговор, эта поддержка им необходима, эта огласка. Все равно мы должны как-то достучаться, что мы не согласны с этой несправедливостью.

Вы слышали, как Владимир Путин прокомментировал дело «Нового величия»? Он сказал, что у него есть папочка, в которой все написано, нужны ли вам террористические акты. Вы бы ему что ответили? У него тоже есть дети.

- Это его личное, об этом не будем говорить.

А как президенту?

- Вообще он должен во всем разбираться. Мимо него не должно проходить.

Сейчас, когда начался суд, в вас какие чувства больше преобладают? Страх, чем это все может закончиться? Или желание, чтобы это все скорее закончилось?

- Первое — это скорее бы все закончилось, только в хорошую сторону. Я вижу его не там, я вижу его дома. Вот на судах сколько мы находились, я пыталась просто дотронуться до него, руку пожать. Мне необходима эта энергетика, прикосновения. Я за 14 месяцев лишена этого. На свидании так же: стекло, решетка. Не могу почувствовать его просто по-человечески, прикосновением.

Память — такая странная штука, она по-своему у каждого работает. У некоторых она убирает неприятные моменты, у некоторых нет. У вас память убирает самые страшные моменты за 14 месяцев?

- Пока об этом рано говорить. Когда Дима будет уже дома, тогда будем это страшное стирать из жизни. Пока больше лучших воспоминаний, что он рядом, что-то делает. Самое страшное [чувство] — оно есть, как вспышка — да, приходили [сотрудники], и эти [первые] три месяца для меня как будто страшный сон. Сейчас [чувство] — это было, но будет хорошее, я его жду до последнего. Оправдают... Должны оправдать.

Что-то изменилось в плане доверия к людям? Вы говорите очень светлые слова про надежду, веру, любовь. Это требует огромной силы, я не хочу сомневаться в том, что эта сила есть. Но когда вы видите, что работают провокаторы, что с сыном происходит, как не потерять доверие к людям?

- Как не потерять? Всё равно с этим надо как-то жить и верить. Должна дистанция быть: прежде чем доверять, лучше проверить. Я и по жизни была как-то на расстоянии. В детстве в интернате жила, родители были, но школа была далеко. Я уже с детства знала, кому верить, кому нельзя. И детей приучала, что не все люди хорошие. Сначала нужно пообщаться, притереться, присмотреться.

Думаете, ребята попали в эту ужасную историю, потому что у них не хватило жизненного опыта и они слишком доверчивые?

- Скорее всего. Это наше воспитание, что все равно надо доверять.

Дмитрий насколько был активен в обсуждении политики или еще чего-то похожего?

- Конкретно политикой мы никогда не занимались. Были моменты, когда послушали, обсудили. Чуть-чуть обо всем: нравится, не нравится. Но чтобы полностью политикой — в семье не было.

Мы в коммуналке жили, 24 года в очереди стояли. У нас была группа «Очередники Москвы», мы писали обращения, на круглые столы ходили, чтобы получить квартиру. И Дима тоже старался помочь семье, писал вместе со мной, ходил в МФЦ, другие места. Когда он учился, второе образование получил, он работал, оплатил учебу и институт, оплатил сам. Поддержки никакой. Нужны были занятия в тренажерный зал — покупал абонемент, ничего бесплатного, в бассейн тоже покупал. По чуть-чуть мы это обсуждали.

А то, что сын может оказаться в политической организации или стать политическим активистом, это для вас удивительно?

- Удивительно, конечно. Он целенаправленно к этому не шел, и сейчас что происходит — это просто ерунда какая-то.

Как вы общаетесь с другими родителями? Когда вы общаетесь, вы чувствуете, что у вас есть что-то, что вас объединяет? Или всё же в своей семье каждый отдельно это переживает?

- Я думаю, что всё равно нужно быть вместе, потому что дело-то одно.

Анна Павликова с мамой Юлией, Мария Дубовик с мамой Натальей и Галина Полетаева / Фото: Наталья Севостьянова

Что вы можете сказать родителям, которые боятся за своих детей, что ребенок может стать жертвой провокации?

- Сейчас уже я считаю, что это очень сложно. Надо больше разговаривать, надо приводить примеры, что есть такая группа (дело «Нового величия» — *ОВД-Инфо*), что такое произошло, быть готовым. Все равно нужно своих детей поддерживать, быть рядом с ними, выслушивать, объяснять.

Дети редко слушают родителей.

- У меня были такие моменты, особенно в переходном возрасте, что с сыном, что с дочерью. Но самое главное — все равно преодолеть эту планку, не идти на поводу. Я себя в детстве вспоминаю, очень тяжело, но надо доносить сотню раз, один раз все равно будет услышан.

То есть родителям в первую очередь нужно терпение и стараться ребенка понять?

- Обязательно, взрослая поддержка должна быть. Доверие обязательно между детьми и родителями.

Как ваши друзья отреагировали на эту сложную ситуацию? Это же тоже очень тонкий момент, когда людям страшно не за вас, а за себя.

- Самые близкие, которые меня поддерживают, — очень хорошие, их единицы, кому я могу полностью открыться, довериться. Знакомых очень много, знают только с хорошей стороны что меня, что детей моих. Может, они через интернет и знают, но мы не общаемся (о деле — *ОВД-Инфо*). Так, встречаемся, они всегда интересуются, как сын, дочь, они восхищаются — «Галя, какие у тебя хорошие дети!». Я их иногда пожурю, поругаю, но для меня очень много значит, когда окружающие, знакомые люди хвалят, говорят хорошее о детях.

То есть за эти 14 месяцев никто вам не сказал — какой ужас? Не спросил, чем помочь, или наоборот, тихо исчез?

- Близкие — они как были, так и остались. Вот у нас на этаже я тоже чувствую, что, наверно, они знают, интернет тут, все уже продвинутые у нас. Они не отвернулись, как будто ничего не произошло, но по поводу Димы они не спрашивают. Помощь никакую не предлагают. Ни на кого никогда не рассчитывала, мы привыкли с детства с мужем ни от кого не требовать, всё сами, своим трудом, чтоб ни на кого не надеяться.

Что ждете от суда?

- Очень сложно сейчас думать, говорить. От них можно всё, что угодно [ждать], суды никого не слышат, не видят. Хочется, чтобы скорее закончилось. Чувство такое, что справедливость, добро должно восторжествовать. Хочется, чтобы глаза у них открылись, чтоб они почувствовали, что у них тоже дети. Бумеранг никто

не отменял — сегодня хорошо, а от тюрьмы и от сумы никто не зарекается. Ты не знаешь, что завтра будет.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Дело «Нового величия»

В движение «Новое величие» внедрились сотрудники спецслужб. Участников обвинили в создании экстремистского сообщества.

23 139

Ещё почитать

02.03.2026 Москва

Екатерину Шульман заочно приговорили к году колонии по «иноагентской» статье